

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ЕДИНСТВЕ ОБРАЗА ТАТЬЯНЫ ЛАРИНОЙ

В статье содержится анализ образа Татьяны Лариной, выявляется художественная логика событий романа, связанных с нравственным выбором героини. Характер Татьяны рассматривается в сопоставлении с романтической традицией и в связи с формирующимся реалистическим методом изображения персонажей у Пушкина. Показано, как в пушкинском тексте совмещены романтические приемы создания образа и реалистические мотивировки поведения и нравов действующих лиц романа. Подробно раскрывается взаимосвязь эпизодов, повествующих о детстве и воспитании Татьяны, и фрагментов, изображающих самостоятельные поступки героини. Автор статьи привлекает внимание к черновым наброскам, позволяющим точнее определить характер взаимоотношений в семье Лариных, роль матери и сестры в судьбе Татьяны и раскрыть жизненную основу романских коллизий. Предлагается анализ фрагмента, в котором Татьяна рассказывает об обстоятельствах своего замужества. Причины внешней «пассивности» героини, согласившейся на брак с нелюбимым человеком, раскрываются в контексте историко-культурных реалий пушкинской эпохи и нравственных ориентиров, значимых для самого поэта. Осмысление ценности родового, семейного уклада позволяет увидеть единство внутренних установок Татьяны и Праксовьи Лариных, проследить превращение Татьяны из «чуждой девочки» в собственной семье в устроительницу и хранительницу родовых традиций. Эволюция характера Татьяны рассматривается как важнейшее свойство её целостного образа в противовес идеализации персонажа в трактовке Достоевского, слишком категорично противопоставляющего Татьяну Онегину. Анализ специфики художественного метода Пушкина позволяет объяснить некоторые аспекты читательской рецепции романа в прошлом и в наше время.

Ключевые слова: романтизм, реализм, творчество А.С. Пушкина, роман «Евгений Онегин», образ Татьяны Лариной.

Работа над текстом романа «Евгений Онегин» приводит к выводу, что нередко чистовой вариант того или иного эпизода отличается большей противоречивостью и недосказанностью, чем ранние наброски. Отказ поэта от значительно более глубокой, чем намечалось в черновом варианте, психологической и биографической проработки образов связан со спецификой жанра романа в стихах, где бытовое индивидуальное содержание вытесняется философско-поэтическим. Очевидно, такого рода «пробелы» создаются намеренно. Но с течением времени пропорции «понятого» и «непонятого», очевидного и подразумеваемого меняются. От современного читателя нередко ускользает подтекст, который служил в пушкинское время связующей основой для отдельных звеньев рассказа, помогая заполнить смысловые пропуски. На восприятие произведения влияют и позднейшие критические оценки, стереотипы и идеологические установки последующих эпох.

Многое сделано комментаторами «Онегина» для того, чтобы бытовые, историко-культурные реалии пушкинской эпохи осознавались современным читателем. «...Сейчас, в том числе и благодаря усилиям ученых-литературоведов, как это ни парадоксально, мы лучше понимаем поэта, чем читатели его времени», – замечает В.И. Коровин [2, с. 177]. Труднее всего, но и важнее всего, воссоздать образ мыслей, мироощущение людей пушкинского времени.

Приблизиться к авторскому замыслу помогает анализ черновигов, определяющий поле толкований в соответствии с вектором собственно пуш-

кинских размышлений о героях, в рамках им самим намеченных контуров. В частности, образ Татьяны Лариной приобретает большую отчетливость, если рассматривать его в контексте очевидных пушкинскому времени нравственных ориентиров и житейских норм. В таком случае ряд противоречий и «странностей» в облике и поведении героини могут оказаться надуманными, возникшими не в мире романа, а в позднейших критических и научных интерпретациях. Обнаруживается художественное единство образа Татьяны, общая логика её характера, реализованная в главных поступках героини: её признании Онегину, замужестве и финальной исповеди.

Первый поступок Татьяны не только сопровождается подробным авторским комментарием, он и мотивирован наиболее подробно рассказом о детстве и юности героини. «Неприличный», отчаянный, противоположный общественным нормам поступок – в то же время вполне ожидаем читателем, подготовленным к такому событию многократными указаниями на странность, необычность героини, её романтическую оригинальность.

В рассказе о детстве Татьяны одновременно разворачиваются два плана изображения героини: условно-литературный и жизненно-конкретный. Образ Татьяны одновременно освещен в романтическом и в реалистическом ключе. В соответствии с романтическим отрицанием детерминированности характера средой героиня наделяется исключительностью, её присутствие в кругу обычных людей необъяснимо и ничем не обусловлено. Но отдельные штрихи создают возможность реалистического толкования и объяснения её странностей: Татьяна –

старшая дочь, родившаяся в то время, когда её мать еще не приобрела привычку к своей супружеской сельской жизни, а возможно, и впоследствии всюду уступавшая первенство родительской любви младшей, общей любимице – Ольге.

Пушкин не нагнетает тему противостояния двух сестер, не создает коллизию вражды или соперничества между ними. Но взаимодействие образов и судеб Татьяны и Ольги играет важную роль в образной системе и идейной структуре романа, не сводясь к выдвинутому на первый план и нарочито обыгранному внешнему контрасту. Уже в выборе имен прослеживается закономерность, присущая пушкинской трактовке этого мотива. Оба имени объединены тем, что они «редкие». В святцах каждое из них встречалось в пушкинские времена лишь однажды (в отличие, например, от имен Мария, Анна и Елена и др.), но первое – «странное», простонародное, не отмеченное положительными аллюзиями («чужое»); второе, напротив, «излюбленное», часто выбираемое, подчеркнуто русское, «свое», овеянное исторической традицией. «Имя Ольга встречалось в литературных произведениях с “древнерусским колоритом”» [5, с. 196]. Противопоставление подчеркнуто календарем, к которому, как известно, Пушкин был весьма внимателен. Именины Татьяны – 25 января, Ольги – 24 июля. Ровно полгода разделяет имена сестер, две героини находятся словно бы на полюсах тепла и холода. Неоднократно отмечалось исследователями, что образ Татьяны окутан зимними ассоциациями. Ольга овеяна летними мотивами (ясное безоблачное небо, лен, цветок в тиши лесной, неведомый пчелам, лилеи стебелек и т.д.).

При некоторых колебаниях автора в процессе работы над образами сестер, все-таки воспитание младшей, Ольги, изображается как патриархальное и отечественное, «без затей».

Ни дура английской породы
Ни своенравная Мамзель
(В России по уставам [моды]
Необходимые досель)
Не баловали Ольги милой
Фадеевна рукою – хилой
Её качала колыбель
Стлала ей детскую постель
Помилуй мя читать учила
Гуляла с нею, средь ночей
Бову рассказывала <ей> [7, с. 287–288].

У Татьяны, напротив, либо была французская гувернантка, либо девочка какое-то время воспитывалась в пансионе. Среди её книг присутствуют учебные издания. Как показывает Е.А. Пономарева, Пушкин, последовательно освобождая перечень Татьянинных книг в XXIII строфе пятой главы от иностранных оригинальных сочинений, все же «оставлял Татьяне такое учебное пособие, по которому она овладела французским языком настолько, чтобы читать романы» [6, с. 107]. Иначе была

бы невозможна та степень владения французским, которую она обнаруживает в письме к Онегину и которая, в частности, позволяет впоследствии занять ей достойное место в высшем свете. Эти очевидные для современников особенности воспитания Татьяны сегодня раскрываются читателю благодаря работе исследователей с черновыми вариантами романа и историко-бытовому комментарию. «Показательно, однако: засвидетельствовав, что Татьяна в совершенстве знала французский язык, и, следовательно, заставив нас предполагать наличие в её жизни гувернантки-французкини, автор предпочел прямо не упомянуть об этом ни разу» [5, с. 54].

Из черновиков романа следует и то, что няня, которая воспринимается как неразлучная спутница и наперсница Татьяны, на самом деле с младенчества пестовала именно Ольгу. Потому для Ольги, а не для Татьяны, Филипьевна «собирает на широкий луг» окрестную ребятню. Татьяна, очевидно к этому не привыкшая, «чуждается» подобных ветреных утех. Нежелание или неумение играть с куклой, отсутствие навыка женских рукоделий выдает определенную небрежность материнского отношения к Татьяне. Все занятия, любимые Татьяной, обнаруживают отсутствие родительского попечения, они возникают в жизни ребенка, предоставленного себе самому и никем не руководимого: «она в семье своей родной казалась девочкой чужой». Её поведение – «...грустна / И молчалива, как Светлана, / Взшла и села у окна» – не воспринимается родными как повод для беспокойства. Одиночество и замкнутость её для всех привычны. Вполне вероятно, что особая свобода, которой пользуется Татьяна как в выборе книг, так и во времени прогулок, вообще в своем житейском распорядке, также связана с разностью воспитания старшей и младшей сестер.

Конечно, преувеличивать степень «нелюдимости» и «отверженности» Татьяны в собственной семье не следует. Естественно, со временем, когда привычка «поглотила горе» Лариной и возникла привязанность к мужу, нежная любовь к младшей дочери постепенно распространилась и на старшую. Ощущение себя «чужой», лишней, закрепилось у Татьяны в сознании, не находя уже опоры в домашних обстоятельствах и заставляя её заново, в книгах, искать обоснование этому правдивому и не объяснимому рационально ощущению. Книги «заменили» Татьяне понимание реальности. Не обвиняя мать в холодности, не держа досады на сестру, не питая зависти и обиды, Татьяна в то же время находит нечто близкое себе в судьбах романтических героинь. Заметим, например, что она ассоциирует себя с Клариссой Ричардсона. Кларисса же в романе предстает в первую очередь как «чужая» в своей семье, нелюбимая сестрой и братом, несправедливо обиженная своими родными. (Ошиб-

ка Клариссы отчасти объясняется отсутствием любви между нею и её родными. Ловлас обретает благодарность и приязнь девушки, оценив её достоинства, поставив её выше Арабеллы, в то время как со стороны родных Кларисса подвергается незаслуженному пренебрежению.)

Не замечая пушкинских намеков, недооценивая «реалистические» мотивировки поведения героев, мы не сумеем оценить правдивость и глубину призыва Татьяны в письме к Онегину: «Вообрази: я здесь одна, / Никто меня не понимает» и т.д., сочтем их выдумкой экзальтированной барышни. Правдивость чувств Татьяны, конечно, не отрицает субъективности, преувеличенности этих чувств. Хотя она и кажется в своей семье «чужой», но между ней и Ольгой существует неподдельная нежность и привязанность. Более того, Татьяна в своей семье занимает положение в чем-то привилегированное. Мы уже отмечали, что она пользуется почти неограниченной свободой. Именины Татьяны празднуют пышно и торжественно. (Ничего похожего в отношении Ольги мы не видим.) Татьяна высоко стоит во мнении не только своей родни, но и соседей, моментально «обручивших» её с Онегиным (который, хоть и слышет фармазоном, но, безусловно, выступает в сознании соседей птицей высокого полёта). Заметим также, что к Татьяне до её 19-летия уже трижды сватались (Буянов, Петушков и Пыхтин) и её отказ всем претендентам для матери предмет не столько огорчения, сколько гордости. В черновике об этом было сказано прямо:

Не в первый раз моей Татьяне
Уж называли женихов
Семейство Л<ариных>заране
Поздравить всякой был готов
Её искали <?> но доселе
Она отказывала всем –
Старуха-мать гордилась тем –
[Хоть громко жаловалась <всем>]

[7, с. 357–358].

В чистовом варианте Пушкин привел лишь сеговования Лариной. Её невольное хвастовство дочерью едва заметно:

Гусар Пыхтин гостил у нас;
Уж как он Таню прельщался,
Как мелким бесом рассыпался!
Я думала: пойдет авось;
Куда! и снова дело врозь [7, с. 150].

С неожиданной на первый взгляд решительностью «старушка Ларина» следует совету отправиться в Москву на «ярмарку невест». Именно Татьяна считается вполне годной для того, чтобы быть представленной высокородной московской родне и блеснуть на ярмарке невест. Татьяна и в самом деле не посрамила семейство Лариных: серьезных пороков в её воспитании московские барышни не отыскали. Стремление Лариной в Москву, возможно, вызвано уверенностью, что именно старшая дочь может сделать блестящую партию.

Восстановление прежних связей и привязанностей для Лариной не только приятный, но и полезный шаг. «Грандисон» и княжна Алина выступают теперь как круг покровителей, способных помочь не только в устройстве Татьяниной судьбы, но, может быть, и в восстановлении прежнего блеска того семейства, к которому по рождению принадлежала мать Татьяны. И расчет оказывается верным. Вся московская родня принимает деятельное участие в судьбе семейства. А вскоре на горизонте появляется «толстый этот генерал» – чиновный и богатый претендент на руку Татьяны.

Среди поступков Татьяны самым необъяснимым издавна считается её замужество. Действительно, согласие на брак с нелюбимым человеком кажется не соответствующим правдивости натуры Татьяны, её «своенравию» и той свободе, которой Татьяна пользовалась до сих пор. Современники поэта, воспринимавшие образ преимущественно в романтическом ключе, были поражены этим слишком прагматичным и прозаичным поступком. Но и современным исследователям замужество Татьяны видится порой каким-то «сбоем» в общей логике её характера. В.А. Кошелев пишет: «Финал “бедной Тани” неожидан для читателя, который уже подготовлен к тому, что героиня соединяет свой непосредственный характер с романной традицией и со свободолобивыми качествами героинь Руссо или Жермены де Сталь... А в ситуации замужества Татьяна оказывается неожиданно пассивной. Она отказала “деревенским” женихам, но решила стать супругой нелюбимого “толстого генерала”. В качестве “оправдания” Татьяна придумывает для себя этакую сентиментальную картинку: “Меня с слезами заклинаний // Молила мать...” Но этой “картинке” не верится: она не очень соответствует действительному облику старухи Лариной» [3, с. 157–158].

Думается, тут нужны возражения. Странную склонность Татьяны «приукрасить» свою историю сентиментальной картинкой исследователь объясняет её «детской наивностью», что, на наш взгляд, противоречит как раз базовым характеристикам образа. Татьяна доверчива и невинна в начале романа. Но отнюдь не наивна. И уж вовсе не склонна «рисоваться». Выше было показано, что сентиментальные фразы в письме Онегину, которые могут показаться «книжными» и надуманными, на самом деле объясняются глубоко правдивыми переживаниями героини, истинными, хотя и не до конца проявленными в повествовании чертами её биографии. В 8 главе наивной Татьяну и вовсе не назовешь. Мотивы поведения Онегина и в прошлом и в настоящем ею раскрываются без всякой «вуалировки», с беспощадной точностью: «Тогда, не правда ли, в пустыне / Вдали от суетной молвы, / Я вам не нравилась...» О себе она говорит просто и искренне. Какие «сентиментальные кар-

тинки)? И зачем ей «оправдываться» перед Онегиным? Сожалея о своей «неосторожности», княгиня бросает взгляд в прошлое и себе самой старается дать отчет: почему она так поступила, что помешало ей дожидаться вот этого, как оказалось, вполне возможного и близкого счастья? И возникающая перед её глазами «сценка», надо полагать, не сентиментальный вымысел, а чистая правда: слезы и заклинания матери, возможно неоднократные, с упреками и жалобами... Милая старушка, как мы уже подчеркивали, отличалась темпераментом с юности. Если сначала он проявлялся в бурных сценах с мужем, то позднее в том, что она «служанок била осердясь». С тем же напором Ларина умоляет Татьяну выйти за генерала. Станным или придуманным такой эпизод может показаться лишь из-за невнимания к подлинному облику Прасковьи Лариной и её судьбе, «полускрытой» в тексте романа.

Мать просит Татьяну не о её и не о своём счастье. Старушка Ларина, как и положено русской дворянке, думает не столько о личном благополучии своей дочери, сколько о судьбе целого семейства, включающего и Ольгу с мужем, и её и Татьяны будущих детей, о судьбе древнего дворянского рода, к которому она сама принадлежит. Род этот, вероятно, померк на рубеже XIX века, что и заставило изящно воспитанную барышню выйти замуж за «смирненного» бригадира. Вероятно, некогда мать Татьяны спасла этим замужеством свое семейство от разорения или забвения, но теперь Татьяне выпала горестная честь восстановить статус старинного семейства, вернуть ему блеск. Несомненно, мать Татьяны принадлежит к родовитому московскому дворянству, потому и внимание Онегина к их семье в глуши – не сверхъестественно, и женитьба князя на Татьяне – отнюдь не мезальянс. Становится понятна и уступчивость Татьяны, прежде проявлявшей твердость. Появился мотив, которого не доставало, чтобы «бедной Тане», которой все жребии равны, принять жребий нежеланного замужества. То, что этот брак не сделает её счастливой, Татьяна прекрасно осознает. Ради чего же она идет на заведомое самоистязание? Смирение и безразличие Татьяны не безграничны (иначе в слезах и заклинаниях матери не было бы необходимости). Татьяну пришлось убеждать принять этот жребий, и тут нужен был аргумент весомый. Чужое благо, благо рода, следующих его поколений, поддержание статуса семьи – это действительно серьёзный аргумент. Ситуация, знакомая Татьяне с детства по судьбе её матери, повторяется. Мотив предсвадебных слез звучит в несколько измененном виде: «Меня с слезами заклинаний / Молила мать...».

Ольге, простушке и любимице семьи, разрешено выйти замуж по любви – за улана, не удостоившегося в романе даже имени. Татьяна, старшая, облечена обязанностью перед своим семейством,

несет на себе груз ожиданий, груз долга перед своим родом. Так постепенно раскрывается и значение имени героини, как будто невостреченное, неважное до того. Обнаруживается связь, не только стилистическая, но и смысловая, имен матери и дочери: Прасковья – ожидание, приготовление, канун праздника. Татьяна – устроительница, учредительница. Казавшаяся в начале романа «чужой девочкой» в собственной семье, Татьяна на поверку стала средоточием нового этапа в жизни этой семьи, залогом её будущего, истинной наследницей всех потенциальных возможностей, сохраняемых в провинциальном ларинском быту. А этот быт, как выясняется, хранит не только патриархальные традиции, но и новые культурные приобретения, элементы европейской образованности, не только нравственные ценности православия, но и возможности активного освоения новой житейской среды, возможности жизненного успеха, достойного исполнения роли, предложенной судьбой.

Как некогда Прасковья Ларина, оказавшись «заложницей» усадебного быта, постепенно освоила его правила и взялась за управление, так теперь Татьяна скоро и точно освоила приемы «утеснительного сана». Татьяна-княгиня может бранить «пышность и мишуру “постылой жизни”», но при этом она так же успешно ведаёт своим светским хозяйством, как её мать распоряжалась своим поместьем. Салон Татьяны блестящ, её семью «ласкает двор». Властвуя над суетой, Татьяна сама не становится пошлой и суетной, поскольку внутренний смысл её пребывания в свете есть служение – интересам мужа, изувеченного в боях, своему семейству, своему роду. То, что выглядит со стороны привилегией Татьяны, – есть её обязанность. Она несет светскую службу с достоинством, лишь на минуту приоткрывая Онегину свою усталость, минутную слабость – невольное стремление к жизни индивидуальной и безответственной.

Последний в романе поступок Татьяны (отказ Онегину) привлекал и продолжает привлекать наибольшее внимание исследователей. В негативной оценке Белинского и в восторженной – Достоевского зафиксировано общее представление о смысле этого шага Татьяны, свидетельствующего о её самоотвержении, о присоединении героини к высшей правде, большей, чем правда личного чувства, к правде общенародной, общенациональной.

Возвышенное самоотречение Татьяны в последней сцене, безусловно, являет идеальный облик героини. В критике и литературоведении Татьяна порой предстает изначально совершенной и лишенной внутренних противоречий. «Рассказывая о детстве Татьяны, Пушкин неспроста вводит в роман мотивы житейной литературы. Детство всех православных праведников сопровождалось отчуждением от забав, от детских игр и шалостей» [4, с. 246]. По справедливому наблю-

дению Л.А. Бессоновой, такая трактовка восходит к Достоевскому и определяется стремлением противопоставить Татьяну Онегину: «Отпадение от нравственной правды, неизбывное одиночество Онегина дает Достоевскому основание идеализировать Татьяну, которая в своем последнем решении остается “со всеми”, что для писателя знак глубоких народных корней героини» [1, с. 146]. Однако попытка сопоставить детский облик Татьяны с образами святых представляется не вполне оправданной, противоречащей прямому смыслу текста. Татьяна в юности вовсе не отличается набожностью, её «дикость», отчужденность от людей не связаны с ранним устремлением к Божественному или ощущением своего особого призвания, как это свойственно святым. Противоречат житийным канонам её праздная мечтательность и пристрастие к романам. Участие Татьяны в обрядах гадания и любовь к страшным рассказам также несовместимы с чертами святости. Татьяна, безусловно, в отличие от Онегина, сформирована русской провинциальной средой, в том числе народной культурой. Но сама эта культура неоднородна и внутренне противоречива. И бытовые, и духовные свойства этой среды слишком далеки от идеальных в представлении и изображении Пушкина. Не случайно его рассказ о провинциальном дворянстве, и о Лариных в частности, так часто обогащается фонвизинскими интонациями. Выявление духовно здорового, жизнотворческого, созидательного характера этой среды происходит в романе постепенно – и именно в процессе постепенного становления и самораскрытия героини, её приближения к истинному идеалу, освобождению от ложной романтической привлекательности. Не случайно определение «Татьяны милый идеал» появляется у Пушкина лишь в финальных строках романа, тогда как в начале произведения поэт нередко защищает героиню, стремится оправдать её перед читателем, как бы берет её под покровительство, осознавая её уязвимость перед суровым нравственным судом. Именно внутреннее несовершенство Татьяны, противоречивость и даже отчасти «померченность» её духовного облика в первых главах делают её соблазнительно прелестной романтической героиней, и персонажем «сегодняшним», узнаваемым и востребованным в пушкинской современности. Как и Онегин, она соответствует национальной культурной *реальности* – во многом дисгармоничной, полной разнонаправленных сил и устремлений. Но с точки зрения национального идеала Татьяна должна еще состояться, сбываться. «Русская душою» и зараженная романтическими идеалами героиня должна пройти через драматическую «правду жизни», погрузиться в реальность русского бытия, чтобы взрастить в себе свой идеальный образ. Не замечая несовершенства Татьяны в пер-

вых главах, мы лишим её и заслуги нравственного роста, не оценим перехода от «легкомыслия страстей» и индивидуализма к самоограничению и христианской любви. Монолог и выбор Татьяны в конце романа объясняются и подготавливаются всей прежней её жизнью. И какая бы внутренняя драма ни заставляла её временами «рваться и плакать», её семья уже срастается в то органическое единство, которое станет частью истории, даст молодую поросль и волеется в судьбу России, как бесчисленные поколения счастливых и несчастливых предков.

Таким образом, «три поступка» Татьяны в романе предстают звеньями единой цепи, отражающими логику внутреннего роста героини. Этот рост связан вовсе не с отказом от личной внутренней жизни, но с постепенным подчинением личного существования логике жизни в рамках рода. Первый поступок – письмо Онегину – индивидуальный, полностью продиктованный личной волей и ощущением своей отчужденности от семьи и рода («я здесь одна, никто меня не понимает»), второй – через слезы и принуждение – согласие с правдой родового, общесемейного существования, готовность подчиниться этому закону даже вопреки своим личным стремлениям. Третий – отказ Онегину – выбор не менее драматичный в индивидуальном плане, но сделанный вне всякого принуждения, свободно и самостоятельно. Он означает окончательное формирование в духовном облике Татьяны той жизненной установки, которая заставляет правду прежних поколений принять как свою собственную и следовать ей в полном сознании её ценности и силы.

Библиографический список

1. Бессонова А.С. «Чужой для всех»: Онегин и его «потомки» // Болдинские чтения. – Нижний Новгород: Изд-во «Вектор ТиС», 2009. – 560 с.
2. Коровин В.И. Россия и Запад в болдинских произведениях А.С. Пушкина («Моцарт и Сальери», «Повести покойного Ивана Петровича Белкина»). – М.: ООО «Русское слово – учебник», 2013. – 608 с.
3. Кошелев В.А. «Онегина воздушная громада»: монография. Изд. 2-е – Б. Болдино – Арзамас: АГПИ, 2009. – 382 с.
4. Лебедев Ю.В. История русской литературы XIX века: в 3 ч. – Ч. 1. 1800–1830-е годы. – М.: Просвещение, 2007. – 480 с.
5. Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Комментарий: пособие для учителя. – Л.: Просвещение, 1983. – 416 с.
6. Пономарева Е.А. О какой «грамматике» речь? // Российский литературоведческий журнал. – 1996. – № 8. – С. 106–110.
7. Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 17 т. – Т. 6. – М.: Воскресенье, 1995. – 700 с.